

ВАЛЕРИЙ
ШАМБАРОВ

АЛЕКСАНДР II ОСВОБОДИТЕЛЬ

От России крепостной
к революционной

Русская история

Валерий Шамбаров

**Александр II Освободитель.
От России крепостной
к революционной**

«Алисторус»

2024

Шамбаров В. Е.

Александр II Освободитель. От России крепостной к революционной / В. Е. Шамбаров — «Алисторус», 2024 — (Русская история)

ISBN 978-5-00222-642-9

Император Александр II упразднил крепостное право, тяжелыми победами над Турцией принес свободу Болгарии, Сербии, Черногории, Румынии. Успешно завершил долгую Кавказскую войну, усмирил восставшую Польшу, присоединил к России Среднюю Азию, Приамурье и Приморье. Но его правление ознаменовалось и либеральной «перестройкой» под лозунгами «Гласность, устность, гражданственность». Была продана Аляска, сданы Курилы, расшатывались устои православия и самодержавия, набрали силу революционеры, террористы, в жестокой войне с которыми пал и сам государь. Причем как либералы, так и революционеры подпитывались и направлялись Западом. Об этой сложной и неоднозначной эпохе в отечественной истории рассказывает новая книга известного писателя-историка Валерия Шамбарова «Александр II Освободитель. От России крепостной к революционной». В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

ISBN 978-5-00222-642-9

© Шамбаров В. Е., 2024

© Алисторус, 2024

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Продолжатель династии	7
Глава 2. Наследник престола	12
Глава 3. Становление цесаревича	18
Глава 4. Крепостное наследство	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Валерий Шамбаров
Александр II Освободитель. От
России крепостной к революционной

© Шамбаров В.Е., 2024

© ООО «Издательство Родина», 2024

Пролог

Видение Валаамского старца иеромонаха о. Иоиля, почившего в 1937 г. на Порфирьевском острове. Случилось за семь дней до войны с Японией в 1904 г., впервые записано 2 января 1905 г., переписано 30 января 1917 г.

«...Еще ниже стоявшего собора святителей я увидел множество народа, как на некоем поле, а впереди их стоят три мужа в царских одеяниях, и вот мы подошли близко к ним. Один из них спрашивает меня:

– Видал ли ты меня когда?

– Нет, – сказал я ему.

Потом я спросил Юношу:

– Кто сей будет?

– Это именуемый Царь-Освободитель, – Император Александр II – Царь Мученик. Когда он предстал Господу Богу, Господь сказал ему: “Никто любви больше не имать, как тот, кто положит душу свою, за други своя”. А он это соблюл и за сие даде ему Господь царское достоинство и царское одеяние.

На нём мантия царская, жезл золотой, и корона чудная на главе его. Рядом с ним стоит другой муж, и тоже в царском одеянии, его назвал благоверным князем Александром Невским... Третий стоит юноша, также в царском одеянии, но у него нет короны на голове... Я спросил:

– Кто этот юноша?

– Это – Димитрий-царевич, который имел законное право на царский престол, но, будучи юн, он никогда не помышлял быть Царем, и он потерпел насильственную смерть, но Господь не лишил его царского достоинства...

...Когда я выслушал все это от Юноши, то до пояса поклонился Царям и прочим стоящим. Но диво! Они тоже ответили мне все поясным поклоном. Потом Император Александр II говорит:

– Скажи людям моим, которые за меня молятся Богу, что вельми приятна мне их молитва, и я знаю это, что во многих семьях меня чтут как родного отца. Но видишь, я отсюда не нуждаюсь в их молитвах, любовь же их весьма любезно приемлется Господом Богом, и я молюсь о них и впредь молиться буду...»

Глава 1. Продолжатель династии

Москва в 1818 г.

После нашествия Наполеона миновало 5 лет, а в Москве еще всюду торчали обгоревшие остовы зданий. Наспех сколоченные деревянные домишки соседствовали с закопченными руинами, с заросшими бурьяном пустырями. И у правительства с финансами было худо, чтобы помочь Первопрестольной. В сентябре 1817 г. Александр I командировал туда младшего брата Николая.

Как раз перед этим он обвенчался с прусской принцессой Шарлоттой, ставшей в православии Александрой Федоровной, был назначен главным инспектором Корпуса инженеров и командиром Лейб-гвардии саперного батальона. И первым важным заданием стало восстановление Москвы. Николай Павлович отправился туда с молодой супругой, командировка совместилась у них со свадебным путешествием. С ними поехала царская мать, вдовствующая императрица Мария Федоровна. Она властно считала себя главой рода, сразу взяла их семью под опеку.

Добавились челядь, приближенные, вроде поэта Жуковского, любимого чтеца Марии Федоровны, назначенного обучать Александру Федоровну русскому языку. Обосновались в Кремле, в наименее пострадавшем Чудовом монастыре. Для Николая с матерью и женой оборудовали дом недавно умершего митрополита Платона. Новый инспектор инженерных войск централизовал усилия с городскими, церковными властями, распределил воинские команды на разбор завалов, ремонт аварийных сооружений. Дело пошло... А Мария Федоровна занялась налаживанием учебных заведений, Московского сиротского дома.

Даже само появление в Кремле «малого двора» воодушевило москвичей. Как бы одухотворило растоптанное сердце Земли Русской. Люди оценили: с ними царский брат, царская мать. Энергичный и подтянутый Николай проносился по улицам на коне. Появлялся у разных объектов, советовался с инженерами, отдавал распоряжения своим саперам. А в свободное время гулял с супругой, их постоянно видели на церковных службах. Они любили друг друга, были счастливы, и их молодая энергия как будто передавалась окружающим. В уцелевших и отремонтированных домах и усадьбах после долгого перерыва зазвучала музыка. Воз-

обновлялись званные вечера, балы. А потом разглядели и то, что Александра Федоровна уже непраждна...

Облик города постепенно улучшался. А весна 1818 г. выдалась ранняя, теплая. Бурно распускались листья деревьев, кустов, закрывая свежей зеленью язвы пожарищ. 14 апреля, на Пасху Христову, толпы людей в лучших нарядах собрались погулять по Кремлю. Радовались, что он уже расчищен, можно вот так пройтись, «похристосоваться» со знакомыми. А через два дня, на Светлой неделе, подали вдруг голос колокола Ивана Великого, их подхватывали в других уцелевших храмах. Александра Федоровна разрешилась от бремени.

Роды были тяжелыми, и Николай дал обет построить придел в Новом Иерусалиме. Когда все завершилось, целовал жену и плакал с ней, благодарили Бога – еще не зная, какого пола ребенок. Вошла императрица-мать, объявила: «Это сын». Наследником Александра I числился брат Константин, Николай был лишь третьим. Но оба старших брата были бездетными, и продолжение мужской линии Романовых в любом случае было важным, в Москве прогремел 201 орудийный выстрел в честь младенца.

Крестили его 29 апреля в монастырской церкви Чуда Михаила Архангела. Храм-то был не простой. В нем еще Иван Грозный в 1557 г. крестил сына Федора, будущего царя. И в 1629 г. патриарх Филарет крестил своего внука, будущего царя Алексея Михайловича. А в 1672 г. и Алексей Михайлович крестил тут сына Петра!.. Мальчика нарекли Александром. Правда, до праздников св. Александра Невского было далеко, но распоряжалась бабушка, и малыш стал Александром в честь царственного дяди. Бабушка-то однозначно считала: он и продолжит династию. После крещения сама возложила на младенца знаки ордена Св. Андрея Первозванного, как полагалось великим князьям с рождения. А потом повторила символический жест родителей Петра I – положила ребенка на раку с мощами св. митрополита Алексия, передавая под его покровительство.

Отгремел салют и в Петербурге, звонили колокола по всей России. Александра I известие догнало на дороге из Варшавы в Одессу, и он с ходу назначил новорожденного шефом лейб-гусарского полка. В июне, когда ребенок и его мать окрепли, он отозвал брата из Москвы. А малыша бабушка забрала к себе. Сама подбирала нянек, докторов. Свой обет Николай Павлович исполнил. В Новом Иерусалиме построил в храме придел в честь св. Александра Невского. Архиепископу Московскому Августину (Виноградскому) он писал: «Изъявление благодарности не нужно Тому, Кто читает в глубине души, но оно необходимо душе благодарной... Пускай перед алтарем, воздвигнутым благодарностью отца, приносятся молитвы и о матери, и о сыне... на службу Государю, на честь и пользу Отечеству» [1].

Но рождение Александра сказалось и на судьбе его родителей. У великого князя Константина Павловича семья совсем развалилась. Его жена, принцесса Анна Кобургская, уехала на родину и возвращаться к мужу не желала. Он тоже мечтал о разводе. Жил в Варшаве и хотел жениться на полячке Грудзинской. Летом 1819 г. Николай Павлович, уже командовавший гвардейской бригадой, участвовал в маневрах в Красном Селе. Император похвалил его войска и заехал к нему в гости. Сынишке исполнился годик, и Александра Федоровна снова ходила непраждной. Царь разговорился, что рад видеть их счастье. Винул себя в грехах молодости, из-за чего остался бездетным, как и Константин.

Потом вдруг повернул тему, что пост государя очень тяжелый, требует чрезвычайного напряжения, а его силы слабеют. Поэтому он принял решение: когда почувствует, что больше не может исполнять свой долг, отречься от власти. Сообщил, что Константин об этом знает, однако наследовать престол категорически не хочет. Но оба они видят знаки Божьей благодати в семье Николая, где род продолжается. Поэтому Николай должен знать заранее – взойти на трон предстоит ему. Брат императора и его жена были «поражены как громом». А Александр успокаивал: это произойдет не скоро. Может, лет через 10 [2].

Что ж, состояние Николая Павловича и его супруги, близкое к шоку, понять было можно. Бремя власти сулило колоссальную тяжесть: моральную, физическую, духовную. Проблемы наслаивались, переплетались между собой еще с прошлого века. Екатерина Великая вывела державу на новую высоту. Отвоевала выход к Черному морю. Завершила многовековой спор с Польшей – добила и разделила ее с Пруссией и Австрией. Но при этом нарастал гнет на крестьян, обострилось соперничество с Западом, а русское дворянство тот же Запад заражал идеями масонского «просвещения», расшатывая устои Самодержавия и Православия.

Павел I с его обостренным чувством справедливости старался улучшить положение простого народа, ограничил крепостное право. Прижал разболтавшихся дворян, нажив в их лице множество врагов. Он сумел осознать и то, что врагом России является не только ее извечная противница Франция, подстрекавшая против нее турок, поляков, шведов. Ненавистником нашей страны стала и «союзная» Англия – к концу XVIII в. она превратилась в величайшую (и по площади, и по населению) империю земного шара, нацеливалась на мировое лидерство и в России видела конкурента. Когда британцы подло захватили одну из лучших морских баз Средиземного моря, Мальту, уже юридически принадлежавшую царю, чуть не дошло до войны. Павел арестовал 300 английских судов и активы их компаний в России, разорвал торговые и дипломатические отношения.

Но Лондон уже научился делать бизнес на заговорах и революциях, это получалось выгоднее, чем воевать. Он был и центром мирового масонства, а «вольные каменщики» становились отличным инструментом политических игр. В ночь на 12 марта 1801 г. Павел был убит. Заговор организовал британский посол Чарльз Уитворт, злоумышленники собирались у его любовницы Ольги Жеребцовой. Вокруг наследника Александра у либералов и масонов, разочаровавшихся в Павле, было «все схвачено». Обманами его тоже вовлекли в заговор, уверив, будто отца лишь заставят отречься. А после убийства он, ошавевший и испуганный, объявил: «Батюшка скончался апоплексическим ударом...» Тем самым покрыл страшное злодеяние – и на себя принял ответственность за него.

Исполнители для себя не выиграли ничегошеньки. Наоборот, сломали карьеры, дожили век по негласным ссылкам в поместьях. Но и заказчиков угадать было не трудно. Александр, едва взойдя на престол, сразу же заключил дружественную конвенцию с Англией. Отказался от любых претензий, в том числе и от Мальты. Снял арест с судов и активов англичан, открыл им свободную торговлю, и они завалили Россию импортом.

А главными советниками Александра стали «молодые друзья», которые опекали его и раньше: Строганов, Кочубей, Чарторыйский, Новосильцев, Голицын. К ним добавился талантливый администратор Сперанский – ученик радикального масонского эмиссара Брюкнера. Они предложили создать «негласный комитет» в собственном составе, вырабатывать реформы государства. Вскоре его преобразовали уже в официальный орган, Государственный совет. Ему дали не законодательные, а законосовещательные права, и он был назначаемым, а не выборным. Но все равно это была первая, еще предварительная ступенечка к ограничению Самодержавия.

Александр помиловал 156 заключенных, осужденных при его отце за политические и уголовные преступления. Возвратил на службу 12 тыс. уволенных за злоупотребления и иные неблагоприятные дела. Снял запрет на ввоз в Россию иностранной литературы. Восстановил в полной мере дворянские «свободы». Ложи «вольных каменщиков» стали действовать почти открыто. Широко пропагандировалось «просвещение» для достижения «золотого века» высокой культуры, благоденствия. Хотя этот термин был очень неоднозначным. В прямом смысле – развитие науки, образования. Однако человеческому разуму отдавался приоритет над традиционными устоями религии и морали. В рамках «просвещения» создавались учебные заведения по западным образцам, получали значительную автономию, становились «школами демократии».

Реформы Александра нацеливались и на ликвидацию крепостного права. Но ведь вся государственная система опиралась на дворянство, да и сами реформаторы жили трудом крестьян. Поэтому царю пришлось ограничиться лишь указом о вольных хлебопашцах в 1803 г. Помещики могли добровольно освобождать крепостных на тех или иных условиях. А Сперанский стал любимцем государя, получил пост канцлера. По поручению Александра он разработал «Введение к уложению государственных законов» – по сути, проект превращения страны в конституционную монархию. Государственный совет получал законодательную власть, образовывались выборная Государственная дума, органы самоуправления в волостях, округах и губерниях.

Но развивать такие проекты помешала обстановка. В Закавказье началась затяжная война с Персией. Добавилась еще одна, с Турцией. Александр возобновил союзы с Англией, Австрией, Пруссией, вступил в борьбу с Наполеоном. В перерывах между войнами против французов в очередной раз померились силами со Швецией, отобрав у нее Финляндию... Эти грозные события выдвигали других людей, совсем не либералов. Опорой царя стал Аракчеев, вокруг него формировалась патриотическая партия. Подобный кружок возник и у сестры царя Елены Павловны. А реформы Сперанского и его проекты вызвали массовое недовольство чиновников, дворян. В 1812 г., перед решающей схваткой с Наполеоном, государю под общим давлением пришлось отправить Сперанского в отставку, сослать в Пермь.

Однако и плоды царствования оказывались не сладкими. Тяжелые войны, разгром под Аустерлицем. Вынужденный Тильзитский мир с Бонапартом. Нашествие «двунадесяти языков», горящий Смоленск, жертвы Бородино, сожженная Москва... Для Александра эти потрясения были и личными. Он помнил, как унаследовал трон, видел в бедствиях наказания от Господа. И для себя, и для России за страшный грех царя. Этот вывод подтверждала и его семейная жизнь, бездетность. Государь всей душой обратился к религии, к покаянию. Но... и на этом пути попал в ловушку. Рядом с ним очутился обер-прокурор Синода Александр Голицын, масон и гомосексуалист. Привлек оккультиста Кошелева. Они увлекли царя в туманный мистицизм, в совместные чтения и толкования Библии.

Голицын стал министром духовных дел и народного просвещения. Под его эгидой возникли мистическое общество «Новый Израиль», Библейское общество – занявшееся вроде бы благим делом, переводами Священного Писания с церковнославянского на русский язык. Но под флагом этого общества в Россию хлынули сектанты всех мастей. Голицын с Кошелевым через царя обеспечили им защиту, и ему самому подсунили «пророчицу» Криденер. В Петербурге открыто орудовали секты вплоть до скопцов. А священники, желавшие выслужиться, подстраивались к Голицыну и его окружению. Поборники ортодоксального Православия не осмеливались выступить против новшеств или попадали в опалу.

Между тем разгром Наполеона поднял престиж России на небывалую высоту, вся Европа славилась русских освободителей. Окрылился и Александр, вознесенный в лидеры мировой политики. Заседал на международных конгрессах. Свой высочайший авторитет он решил использовать, чтобы обезопасить мир от будущих потрясений. Впервые в истории предложил создать систему общеевропейской безопасности, Священный союз, который и будет поддерживать мир и порядок. Заключил его с Австрией, Пруссией, присоединялись другие державы.

Авторитет победителя царь хотел использовать и внутри страны, все-таки осуществить прежние замыслы реформ. Возвратил из ссылки и снова возвысил Сперанского. Для отмены крепостного права Александр и его советники выбрали в качестве эксперимента три губернии Прибалтики: Эстлянскую, Лифляндскую и Курляндскую. Здешные дворяне были немцами. Им было проще ориентироваться на аналогичные реформы, проведенные по приказам Наполеона в Германии.

Вопрос обсудили губернские ландтаги (дворянские собрания, но в Прибалтике они сохранили и функции местного самоуправления) и просто скопировали германскую модель:

в 1816–1819 гг. освободили крестьян лично, оставив всю землю помещикам – бывшие крепостные должны были арендовать ее. Теоретически могли и купить, если вдруг денег наберут. Но помещик больше не нес за них никакой ответственности, не должен был помогать при неурожаях, платить за них подати, перекладываемые на самих крестьян. Положение их отнюдь не улучшилось, а ухудшилось.

В российских губерниях царь в это же время начал другой эксперимент. В обстановке полного расстройств финансов задумал удешевить армию и одновременно обеспечить обученный резерв – его так не хватало в 1812 г. Александр решил перевести войска на поселения. Они будут сами обрабатывать землю, обеспечивать себя продовольствием, фуражом. А нестроевые крестьяне будут учиться воинскому мастерству. Царь обратился к опыту англичан, создававших военные поселения в колониях для туземных войск. Перенял и модели австрийских поселений для сербов и хорват, охранявших границы. В 1817 г. для этого выделили районы в Новгородской, Могилевской, Витебской, Харьковской, Херсонской, Екатеринославской губерниях. Включали в них войска, расквартированные в здешних местах, а крестьян приписывали к полкам.

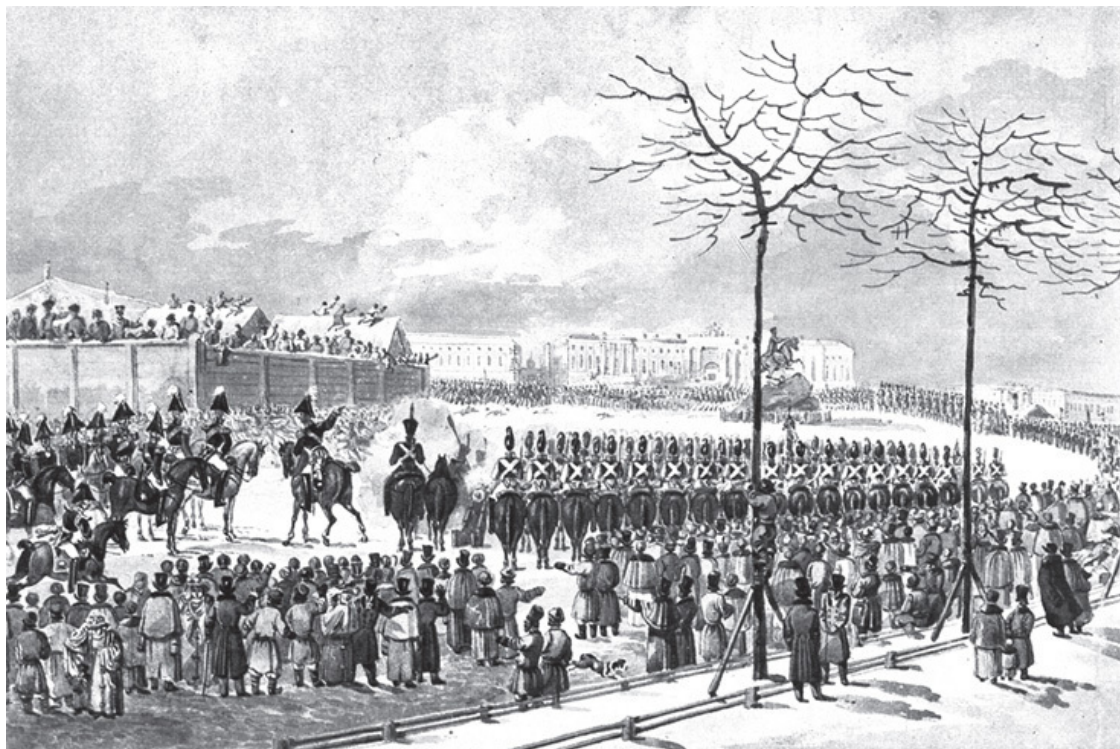
Но реанимировались и проекты глобальных реформ. В завоеванной Финляндии Александр сохранил шведскую конституцию и сейм – парламент. А по итогам Наполеоновских войн Россия присоединила часть Польши, и государь сконструировал Царство Польское. Оно стало любимым детищем Александра. Польским царем считался он сам, наместником назначил польского генерала Зайончека и дал полякам полную автономию. Свои суды, полицию, деньги, свою армию, созданную за счет России. Главнокомандующим стал великий князь Константин, но почти все офицеры недавно сражались против русских. Польские производители и купцы получили в России огромные льготы.

Секрет такой любви Александра к Польше заключался в том, что государь видел в ней трамплин для дальнейших либеральных реформ. Даровал ей конституцию со свободами печати, личности, двухпалатным парламентом – сеймом. И как раз перед рождением маленького племянника, в марте 1818 г., Александр приехал в Варшаву на открытие первого сейма. Обратился к депутатам: «Вы мне подали средство подать моему отечеству то, что я уже с давних пор ему преуготовил и чем оно воспользуется, когда начала столь важного дела достигнут надлежащей зрелости» [3, с. 35]. То есть, по опыту Польши он намеревался распространить конституционные свободы на всю Россию.

Проекты ликвидации крепостного права прорабатывались в канцелярии Аракчеева и министром финансов Гурьевым. А в Варшаве, в канцелярии наместника, в строжайшей секретности готовился проект Конституционной хартии Российской империи [3, с. 33–36]. Хотя какая там секретность, если сам Александр озвучил ее с трибун сейма! Все это обрастало слухами, вызывало брожение. Разговоры об освобождении крестьян вызывали у помещиков «припадки страха и уныния» – под угрозой оказался весь их привычный уклад жизни, а что из этого выйдет?

Известия о конституции, казалось бы, не касались ничего личного благосостояния и у «просвещенной» публики вызвали восторги, кружили головы. Но трезво мыслящие деятели осознавали, что в данном случае речь идет о вещах куда более важных, чем даже крестьянский вопрос, – о фундаментальных устоях державы. Генерал Закревский писал: «Речь государя, на съезде говоренная, прекрасная, но последствия для России могут быть ужаснейшие». Даже масон Карамзин отмечал, что «варшавские речи сильно отозвались в молодых сердцах, спят и видят конституцию; судят, рядят. И смешно, и жалко» [3, с. 35–36]. Вот в такой атмосфере потенциальных «перестроек» пришел в мир будущий император Александр II.

Глава 2. Наследник престола

Восстание декабристов

Когда Саше исполнилось 6 лет, воспитание от бабушкиных нянек и бонн полагалось передать мужчине. Его подбирали сам император и, к удивлению столичного света, назначил никому не известного полковника Карла Мердера. Но государь знал, что делал. Отважный гусар, отличившийся в боях, по состоянию здоровья перешел в кадетский корпус, потом в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Александр I и Николай Павлович подметили его отношение к детям, он был прирожденным педагогом.

Мердер воспринял назначение с высочайшей ответственностью, как главное дело своей жизни [4, с. 67]. С мальчиком он взялся играть, обучать верховой езде, простейшим приемам – чтобы Саша мог в мундирчике красоваться на парадах, кричать команды своему гвардейскому гусарскому полку. Но добряк-офицер считал куда более важным воспитать человеческие качества мальчика. Писал в дневнике: «Буду считать себя несчастным, если не достигну того, что он будет считать единственным наслаждением – помогать несчастным» [3, с. 39].

Однако за пределами семейного мирка накалялись страсти. Преобразования царя обобщались совсем не теми плодами, какие ему виделись. Создание военных поселений крестьяне воспринимали как худшее из наказаний. Были бунты. Самый крупный, в Чугуеве, пришлось подавлять войсками, 40 зачинщиков гоняли сквозь строй, 25 умерли. Но и там, где новшество внедрялось без эксцессов, было неладно. Отличные солдаты и крестьяне в военных поселениях превращались в плохих крестьян и никудышных солдат. Хозяйства разваливались, поддерживались только крупными дотациями. Росло дезертирство. Но и в Прибалтике были бунты освобожденных крестьян, ставших безземельными батраками. Многие уходили в русские губернии, где никакой «свободы» не было. Эстонцы и латыши даже меняли вероисповедание в надежде, что «русский православный царь не оставит их в беде».

Успехи Александра I на международной арене стали эфемерными. Партнеры по Священному союзу считали его чисто формальным. Зато выход России на уровень одного из лиде-

ров, ее возросшее внешнеполитическое влияние никак не устраивали Англию. Лондонская дипломатия вовлекла в антироссийские происки Австрию, побежденную Францию. Генерал Вильсон, в 1812 г. служивший британским представителем при царской армии, в 1817 г. опубликовал на родине пропагандистские фейки, будто Россия строит тайные планы захватить Константинополь, угрожает владениям англичан в Индии – именно тогда родился термин «Большая игра».

Британцы взяли под покровительство Турцию, в Персии появились их советники, обучая и вооружая шахскую армию, науськивая на Россию. Англия поставила задачу вообще вытеснить русских с Кавказа, через турок накачивала оружием немирных горцев, разжигая войну. Британская и французская пресса раздула шумиху о «русских зверствах на Кавказе» (хотя сами англичане и французы действовали в колониях куда более жестоко).

Лондон в данное время всю использовал и свои методики экспорта революций. Они даже получили в Англии официальный статус, назывались политикой «поддержки за границей либеральных течений». С их помощью британцы обвалили давнюю соперницу, Испанскую империю. Ее американские владения взорвались вдруг цепной реакцией революций (советником Боливара был уже упоминавшийся генерал Вильсон). А подавить мятежи не позволила революция в самой Испании. Она скатилась на уровень второсортной державы. Ее процветавшие американские провинции разделились, передрались и совершенно разорились, попав в полную экономическую (и политическую) зависимость от Англии.

Лондон стал покровителем и для итальянских революционеров, предоставлял им убежище. Из масонских структур формировались отряды карбонариев, в 1820 г. подняли сразу два восстания. На севере, в Сардинском королевстве, и на юге, в королевстве Обеих Сицилий. Их подавили, на помощь монархам прислала войска Австрия. Но тем самым итальянцев ссорили с австрийцами. Народ стал воспринимать их как оккупантов. А Англия выступала поборницей итальянских «свобод».

Было бы просто парадоксально, если бы аналогичные технологии британцы не использовали против соперницы – России. А дух либеральных реформ Александра создал для этого подходящую почву. В нашей стране плодились тайные организации с масонской подкладкой: «Орден русских рыцарей», «Священная артель», «Семеновская артель», кружок Раевского. В 1816 г. они объединились в «Союз спасения», целившийся установить конституционную монархию. Самые горячие доказывали, что царя вообще необходимо убить.

Из-за этого переругались, постановили распустить «Союз спасения», но при этом активисты отмежевались от нерешительных, создали «Военное общество», в 1818 г. преобразованное в «Союз благоденствия». Для маскировки он провозглашал «помощь правительству» в делах «просвещения», но целью видел установление республики.

В 1820 г. вдруг взбунтовался Семеновский полк. Причиной стала чрезмерная строгость нового командира Шварца. Но вызвана она была тем, что либеральные офицеры, разболтавшись сами, совершенно распустили солдат. И даже во время стихийного бунта часть офицеров уклонилась от исполнения своего долга. Были отмечены брожение и волнения в других гвардейских частях, кто-то попытался распространять прокламации.

Царь соотнес мятеж с другими событиями того же самого 1820 г. – революциями в Испании, Италии. Расследование вспугнуло заговорщиков. Они быстренько «самораспустили» «Союз благоденствия», затаились и создали два новых общества, «Северное» и «Южное». О них все равно узнали. Доклады царю представили Аракчеев, командир гвардейского корпуса Васильчиков и его начальник штаба Бенкендорф. Но Александр, ознакомившись, сказал, что он сам «поощрял эти мечты и эти заблуждения». Вздыхнул: «Не мне подобает быть строгим». Он не считал себя вправе карать других за то, в чем был грешен сам.

Однако добавилась и международная провокация. В Греции национально-освободительная борьба назревала давно. Но западные режиссеры продумали операцию хитро. Масонская

революционная организация «Филики Этерия» («Дружеское общество») базировалась в России. В 1821 г. генерал Ипсиланти с отрядом греков, состоявших на русской службе, перешел границу Османской империи и призвал к восстанию. До Греции отряд не добрался, почти все погибли. Но турки разъярились, принялись мстить православным, в Константинополе повесили патриарха и троих митрополитов. После этого восстание действительно разгорелось. Царь прервал с Турцией дипломатические отношения, намеревался помочь грекам.

И тут-то завопила европейская пресса – восстание устроили русские, чтобы захватить Константинополь. Александра I Англия и Франция ткнули носом в его же собственные принципы Священного Союза: греки выступили против своего законного монарха. Значит, это революция. При таком раскладе государя убедили, что вмешиваться нельзя. Но финансировать восстание стали Англия и Франция, раскрутили симпатии к грекам, слали деньги, оружие, добровольцев. А попутно подрывали на Балканах российское влияние и внедряли собственное. Внушали грекам, сербам, болгарам, валахам: царь предает православных на расправу султану, ваши настоящие друзья – в Лондоне и Париже.

Для Александра этот международный скандал стал еще одним сигналом опасности либерального курса. В 1822 г. он издал указ о запрете любых тайных организаций, в том числе масонских лож. Да, императору многое приходилось переосмысливать. Этим пользовалась партия Аракчеева, защищая Церковь. Удалось разгромить столичные секты скопцов, убрать от двора «пророчицу» Криденер, Кошелева. Царя и его супругу свели с ярким подвижником архимандритом Фотием (Спаским), открывшим им глаза, что Православие в серьезной опасности и разрушение веры напрямую связано с усилиями по разрушению монархии.

Обнаглевшие религиозные реформаторы и сами подставились. В 1823 г. один из директоров Библейского общества Госснер выпустил книгу откровенно еретического содержания, хаявшую Православие. После экспертизы автора выслали из России, всех причастных к изданию отдали под суд, Голицын слетел с должности Министра духовных дел и народного просвещения. Деятельность Библейского общества была приостановлена. Но для царя его переосмысления оборачивались очередными душевными травмами. Его благие инициативы приносили совсем не благие результаты. Он с юных лет горел либеральными идеями – а на этих же идеях плодились смутьяны. Он считал великим достижением «сближение христиан» разных конфессий. Но и это получалось совсем не добрым, не богоугодным! Значит, Господь все-таки не благословляет его царствование, вылившееся в череду ошибок?

Александр надломился. Задумывался об отречении. Весной 1825 г. в порыве чувств сказал об этом гостю и другу, принцу Оранскому. Тот был в шоке, но переубедить государя не смог [2, с. 81–82]. А Россия уже находилась на пороховой бочке, зрело сразу несколько заговоров! «Северное общество», «Южное общество», «Практический союз», «Тайное общество грузинских дворян», в Польше «Практическое общество» контролировало значительную часть польской армии, вело активную работу и среди русских офицеров, организовав «Общество соединенных славян», примкнувшее к «Южному обществу».

Декабристов нередко представляют благородными патриотами-идеалистами, мечтавшими о «передовой» России по западным образцам. Факты показывают обратное. Они были такими же, как все последующие революционеры. Коварными, лживыми, циничными. Главным было захватить власть. А программные документы являлись пустыми декларациями, помогающими вербовать соучастников. Нижних чинов вообще не считали за полноценных людей, вовлекали откровенной ложью. Пестель слыл в армии одним из самых жестоких офицеров, запарывал солдат и считал: они должны безоговорочно идти за командиром. Что касается конституции, то в окружении Александра ее проекты обсуждали до 1820 г. Но от будущих мятежников ни одного предложения не подавалось. И ни один из них, ратуя за отмену крепостного права, не воспользовался указом 1803 г. о вольных хлебопашцах, не освободил собственных крестьян [6].

Если разобрать «патриотизм» заговорщиков, то они были связаны с «Тайным обществом грузинских дворян», ставившим целью отделить Грузию от России и передать Персии. Пестель лично вел переговоры с представителем польского «Патриотического общества» князем Яблоновским. Условились действовать совместно, и полякам были обещаны независимость, возвращение Литвы, Белоруссии, не только Правобережной, а даже Левобережной Украины, отошедшей к России во времена Богдана Хмельницкого [7]! «Северное» и «Южное общества» планировали после победы сдачу позиций на Балтике с переносом столицы в Нижний Новгород. Предполагалось и расчленение России, превращение в конфедерацию самоуправляемых областей.

Угроза усугублялась тем, что либеральными веяниями была заражена значительная часть высокопоставленных военных и членов правительства. У революционеров имелись сильные покровители. Так, лидера «Северного общества» Рылеева опекали адмирал Мордвинов – член Государственного совета и поклонник Англии, приближенный царя Сперанский, устроили Рылеева начальником канцелярии Российско-американской компании, превратившейся в гнездо революционеров [8]. Впрочем, и представления о декабристах как о сугубо внутреннем явлении – не более чем легенда. Позже на следствии прозвучали показания об их контактах с эмиссарами ордена иллюминатов, было доказано взаимодействие с поляками, через которых поддерживались связи с радикальными масонскими структурами Запада [9].

Англичане с их интересом к Кавказу использовали грузинских сепаратистов – их лидер, царевич Александр, жил в Персии, собирал отряды из эмигрантов, и в рейдах на российскую территорию его сопровождал британский офицер-советник Уильям Монтейт, оставивший записки об этих вылазках. А заговор самих декабристов курировал британский посол Чарльз Стрэтфорд Каннинг [10], двоюродный брат премьер-министра Джорджа Каннинга, член королевского Тайного совета и правая рука лорда Палмерстона, главного русофоба в британской верхушке и одного из главных режиссеров политики «поддержки за границей либеральных течений», т. е. экспорта революций.

Каннинг не был в России постоянным послом. В 1824 г. он прибыл в ранге посла на переговоры о разграничении владений в Америке – между Российско-американской компанией, английской компанией Гудзонова залива, действовавшей в Канаде, и Соединенными Штатами. Причем США с русскими очень быстро подписали договор, а Каннинг задержался. Переговоры велись в управлении Российско-американской компании, где канцелярию возглавлял Рылеев, с Каннингом он общался постоянно. Здесь нередко собирались и другие члены «Северного общества». В феврале 1825 г. договор наконец-то подписали, и Каннинг отправился в Лондон. Но поехал кружным путем, через Варшаву. Туда к нему специально приезжал делегат от «Южного общества» Княжевич [9]. Очевидно, посол пообщался и с польскими заговорщиками.

В результате российские революционеры и поляки согласовали план совместного восстания с убийством царя. Оно было назначено на 12 марта 1826 г., в 25-ю годовщину восшествия Александра I на престол. План был продуман очень коварно и квалифицированно! Празднества, парады с перемещениями войск. Но это был юбилей не только царствования, а еще и убийства Павла I! Напомним, организованного англичанами. Делалась ставка на психологический фактор! В юбилей, принимая поздравления, государь будет особенно остро вспоминать 12 марта 1801 г. Решится ли он в такой момент сопротивляться мятежу? Скорее, падет духом. Воспримет как закономерное воздаяние...

Но вмешался Сам Господь. По официальной версии, царь поехал с больной женой отдохнуть в Таганрог, внезапно расхворался и 19 ноября 1825 г. скончался. Хотя есть и неофициальная версия – она подкрепляется многими фактами, ее подтверждал святой провидец старец Николай (Гурьянов). Александру I поступили новые сведения, в полной мере раскрывавшие картину заговора, подтолкнув его решение оставить престол. Добавилась трагическая гибель

фельдгегеря Маскова, внешне похожего на государя, – и император исчез, ушел на покаяние в облике смиренного старца Федора Кузьмича. Его приближенные, знавшие истину, сразу начали решительные действия, полетели приказы об арестах в «Южном обществе».

Однако наложилась и путаница с наследованием престола. Отречение Константина держалось в секрете, об этом знали единицы. Войска, чиновники стали приносить присягу ему – и первым Николай Павлович в надежде все-таки уклониться от короны. Далеко не сразу, 12 декабря, в Петербурге получили из Варшавы от Константина категорический отказ менять ранее принятое решение. И в этот же день из Таганрога начальник Главного штаба Дибич прислал ошеломляющий доклад о заговоре. Николаю Павловичу приходилось брать на себя власть – и одновременно спасать ее и Россию. Обнародование Манифестов Александра I о наследовании, нового императора о восшествии на престол и присягу ему назначили на 14 декабря.

Но заговорщики были и во дворце, в гвардейских караулах, отслеживали совещания, разговоры. Их предводители выбрали для восстания как раз день «переприсяги». Солдат обманывали, что Константин не отрекся, и узурпатор Николай арестовал его. Добавили ложь о завещании Александра I сократить срок службы солдат до 15 лет, повысить жалованье. Решили взбунтовать гвардию, вести к Сенату, сорвать его присягу и заставить утвердить конституцию, передать власть временному революционному правительству во главе с адмиралом Мордвиновым. А царскую семью арестовать или убить.

Утром 14 декабря сановники стали съезжаться в Зимний дворец. К центру города стекался народ. И вдруг посыпались известия о мятеже. Революционеры сумели ложью поднять часть лейб-гвардии Московского и Гренадерского полков, Гвардейский флотский экипаж, захватили Сенатскую площадь. Были беспорядки и волнения в других частях. Николай Павлович как был, в парадном мундире, ринулся руководить схваткой. Всех, кто при нем был, разослал собирать верные войска. А адъютанта Адлерберга отправил в Аничков дворец – там жила его собственная семья, она еще даже не переехала в Зимний. Аничков вообще не охранялся, там оставались семилетний Саша, его сестры Маша, Оля, полугодовалая Саша, они могли попасть в руки злодеев.

Николай Павлович говорил с массой людей, собравшейся на Дворцовой площади. Встретил первых пришедших к нему воинов – батальон преображенцев. А когда отдавал им команды, к Зимнему дворцу окольными улицами, со стороны Невы подкатила простая извозничья карета. Адлерберг и Мердер тайно, не привлекая внимание, привезли царских детей. Их старались не напугать, улыбались, как-то выкручиваясь на вопросы. А сами держали наготове пистолеты, готовые отдать жизни за них.

Однако и в Зимнем обстановка была взвинченная. Детишек как-то отвлекали, но разве они не могли не чувствовать, что взрослые находятся в страшном напряжении? Бледная мать истово молилась: «Услыши меня, Господи, в моей величайшей нужде...» И сына привлекала, вместе становились на колени [11]. Отец ушел куда-то, а со стороны Сенатской доносилась пальба. Мятежники лупили из ружей, когда показывались правительственные войска, по царю и его свите. Многие бунтующие солдаты были пьяны, их нестройное каре обрастало возбужденнейшей чернью. При попытках уговаривать их был смертельно ранен Милорадович, убит полковник Стюрлер. Хватало и других жертв.

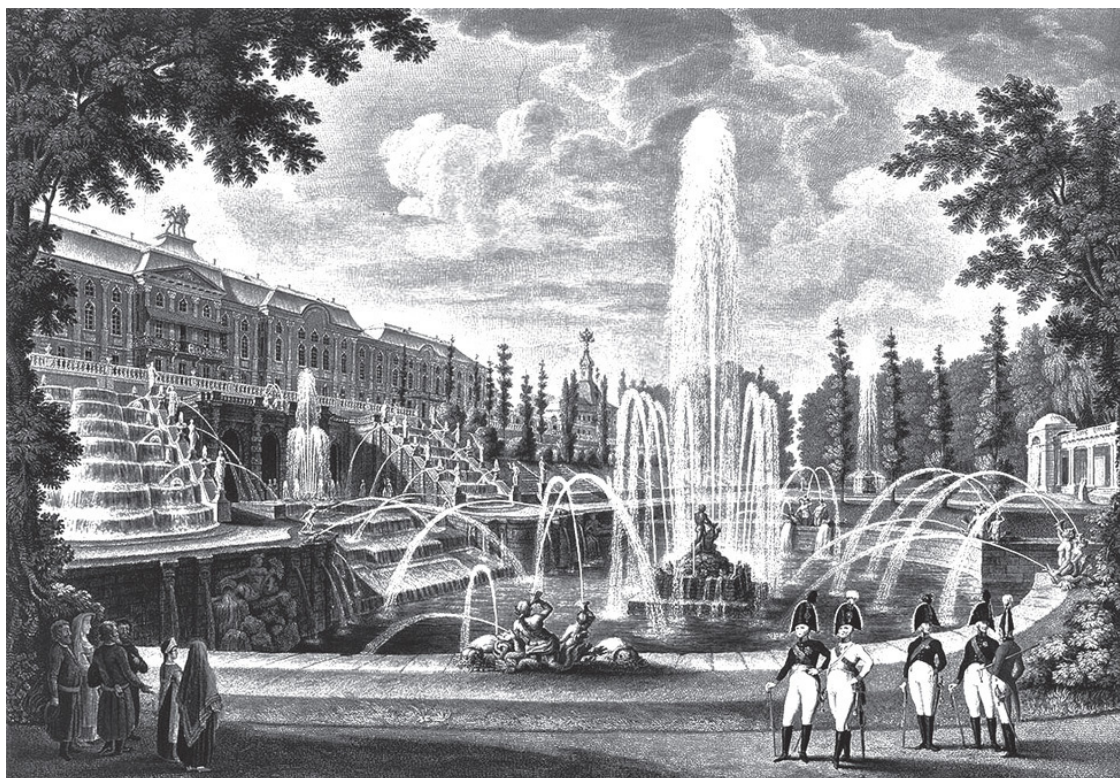
А во дворце жили самыми противоречивыми слухами. Кто-то сеял панику, что «полки отпадают один за другим». Привезли вдруг распоряжение готовить эвакуацию. Потом отменили. Кидались к окнам, видя то промчавшуюся конницу, то ворвавшуюся во двор толпу солдат. Лишь позже узнали, что это и была реальная опасность: поручик Панов с несколькими ротами Гренадерского полка загорелся захватить дворец, взять в заложники царскую семью или перебить ее. Но буквально перед носом у них охранять Зимний пришел Лейб-гвардии Саперный батальон, лично преданный Николаю Павловичу. Наткнувшись на саперов, бунтов-

щики повернули прочь – и на них наварлся сам царь. Он как раз ехал ко дворцу, проверить, прибыла ли охрана. Спасли Господь и железное самообладание. На крики «мы за Константина!» Николай спокойно пожал плечами: «Когда так – то вот ваша дорога». Приказал сопровождающим, чтобы их пропустили на Сенатскую.

А короткий зимний день кончился, смеркалось. Революционеры после провала своих планов ждали темноты – растечься по городу, поднимать чернь, слать гонцов в военные поселения. Но гулко шарахнул выстрел орудия. Второй, третий, четвертый... Когда зависла тишина, во дворце появился Адлерберг с известием от царя: все кончено. Николая Павловича не было еще долго. Он распределял войска для патрулирования, оцеплений, поисков разбежавшихся смутьянов. Жена с сыном встретили его на дворцовой лестнице – и что-то в нем изменилось. В нем появилась и как бы сконцентрировалась – власть. Уходил муж и отец. А вернулся царь.

У Саши напряжение тоже сказалось, он расплакался. Отец пристыдил его и вывел во двор, к Саперному батальону. Сказал: «Я не нуждаюсь в защите, но его я вверяю вашей охране». Старые солдаты обнимали и целовали мальчика, кричали «ура». Потом был молебен – назначенный на 11 часов, начался в 19. Царская чета даже не успела переодеться, она в утреннем платье, он в измятом парадном мундире, не ел весь день. Но торжественно звучало многолетие «благочестивейшему императору Всероссийскому Николаю Павловичу». Рядом молились и дети. За впечатлениями тяжелого сумбурного дня Саша вряд ли прочувствовал, что его статус тоже повысился. Он стал наследником престола.

Глава 3. Становление цесаревича

Большой каскад фонтанов в Петергофе – его штурмовал юный наследник Александр с кадетами

«Южное общество» успели вовремя обезглавить, и революция тем выплеснулась лишь мятежом и пьяными погромами Черниговского полка, разбитого в единственном бою. Невзирая на тяжесть преступления, следствие было более чем мягким. Виновность высокопоставленных лиц, на которых имелись серьезные подозрения, – Сперанского, Мордвинова и др. – сочли недоказанной, они остались при своих чинах и должностях. Бунтовавших солдат отправили воевать на Кавказ. Из дворян-заговорщиков под следствие попали 579, но к суду привлекли лишь 287. И даже из них 149 отделались высылками и служебными взысканиями. Из 36 приговоренных к смертной казни царь помиловал 31. 120 человек были осуждены на различные сроки каторги и ссылки, 12 – к сдаче в солдаты.

Николай I проявил поразительное милосердие. Семьи осужденных получили государственную помощь, пенсии. Их детей принимали в учебные заведения на казенный счет. Для каторжников были созданы льготные условия, отдельно от уголовников, умеренная работа «3 часа утром и 2 часа пополудни», ко многим приехали жены с вереницами прислуги. Им устроили удобные домики, семейных поселили с женами. Регулярно привозили русские и иностранные газеты, журналы, во всех местах заключения были большие библиотеки. И сразу же декабристы начали писать царю слезливые прошения о помиловании!

По результатам следствия прокатились аресты и в Польше. Но... из-за ее автономии местных заговорщиков передали на суд польского сейма. Он не признал деятельность «Патриотического общества» государственной изменой, и всех освободили, они занялись подготовкой к новому восстанию. Но ведь и российская верхушка оставалась пронизанной западничеством, масонством, либерализмом. Хотя одни сторонники радикальных реформ после

разгрома декабристов поджали хвосты, другие сами ужаснулись, осознав, что страна побывала на краю пропасти.

Масон Василий Жуковский писал собрату по «вольным каменщикам» Андрею Тургеневу: «Провидение сохранило Россию... Какой день был для нас 14-го числа! В этот день все было на краю гибели... Преступные злодеи, которые хотели с такой свирепостью зарезать Россию» [12]. Впрочем, он быстро отошел от пережитых страхов. В последующих письмах к друзьям перешел на намеки, сравнивая восстание с «грозой после зноя», которую давно ждали, потому что «поля были изнурены засухой». Теперь же надо «воспользоваться благотворением грозы, чтобы удобрить заброшенную ниву».

Но и Николай I анализировал случившееся, извлекая уроки. Своей железной волей он сумел жестко подчинить сотрудников самых различных политических пристрастий, не допуская шатаний и нацеливая их способности в русло государственной пользы. Министру внутренних дел предписал повторно взять от всех дворян и чиновников подписку о неучастии в тайных обществах. Те, кто состояли раньше, должны были сообщить название и цели организации. Признание освобождало от ответственности, сокрытие приравнивалось к государственному преступлению. Был введен (временно) очень строгий Цензурный устав. Царь запретил и сомнительные эксперименты по переводам Священного Писания.

Но он осознавал и реальные непорядки в России, на которых играли революционеры, и одной из главных причин видел несовершенное законодательство. Многие законы и указы устарели, противоречили друг другу, создавая почву для злоупотреблений. Император решил провести полную кодификацию права, создал для этого II Отделение Собственной Его Величества канцелярии, возглавил его ректор Петербургского университета Балугьянский, а основная работа была возложена на Сперанского.

Заговор выявил и слабость политического сыска. Им занималась Особая канцелярия при Министерстве внутренних дел. Царь преобразовал ее в III Отделение Собственной Его Величества канцелярии. Начальником поставил Бенкендорфа, учредив для него и новую должность шефа жандармов. В штат III Отделения сперва входило всего 16 офицеров и чиновников, а задачи перед ним ставились очень широкие. Политический сыск, секты, дела фальшивомонетчиков, цензура, надзор за теми или иными лицами, контрразведка.

Царь передал в ведение III Отделения и злоупотребления должностных лиц, факты жестокого обращения с крепостными, надзор за нравственностью молодежи, даже помощь бедным чиновникам и офицерам. Но и полномочия сотрудники Бенкендорфа получили очень большие. Любые начальники и ведомства должны были выполнять их требования. По сути, это был орган личного надзора государя. На вопрос Бенкендорфа об инструкциях Николай I дал ему платок: «Вот твоя инструкция, чем более утрешь им слез несчастных, тем лучше исполнишь свое назначение».

В августе 1826 г. весь двор, гвардия, цвет знати отправились на коронацию в Москву. Со времени рождения Саше следы бедствий залечились, Первопрестольная снова расцвела. Конечно же, наследнику запала в душу величественная церемония венчания отца на царство в Успенском соборе. Он и сам в гусарском мундирчике в чине корнета браво гарцевал на параде лейб-гвардии. Салюты, перезвон колоколов, вереница торжеств, приемов, обедов, балов, маскарадов.

Но Саше исполнилось 8 лет – следовало приниматься за учебу. У него появился еще один наставник – Василий Жуковский. По тем временам первый по рангу поэт России, да и к царской семье давно был близок. Хотя у него пошатнулось здоровье, он уехал лечиться за границу. Однако и там он стал готовиться к ответственной миссии. За основу взял модную систему швейцарского педагога Песталоцци, предполагавшую одновременное развитие всех задатков личности – интеллектуальных, физических, нравственных. Жуковский писал царю, что наследнику «нужно быть не ученым, а просвещенным. Просвещение должно ознакомить

его со всем тем, что в его время необходимо для общего блага... Просвещение в истинном смысле есть многообъемлющее знание, соединенное с нравственностью» [3, с. 41]. Здесь мы видим как раз масонское понятие «просвещения» как пути к светлому будущему – а уж тем более через «просвещение» будущего государя.

Жуковский составил план обучения. С 8 до 13 лет – «приготовление к путешествию», освоение изначальной базы знаний. С 13 до 18 лет – само «путешествие» по миру наук. С 18 до 20 лет – «окончание путешествия» – закрепление полученных знаний, специальные дисциплины, необходимые для монарха. Николай I в целом одобрил программу. Внес лишь одну правку, потребовал выбросить изучение латыни и древнегреческого, которыми его самого замучили в детстве – в жизни это оказывалось абсолютно не нужным.

Хотя и со стороны Жуковского возникли неутыки с воззрениями царя. Узнав за границей об участии наследника в московском параде, он встревожился. Пытался действовать через императрицу, писал ей: «Эпизод этот совершенно лишний в прекрасной поэме, над которой мы трудимся... Эти воинственные игрушки не испортят ли в нем того, что должно быть первым его назначением? Должен ли он быть только воином, действовать в сжатом горизонте генерала? Когда же будут у нас законодатели? Когда же будут смотреть с уважением на истинные нужды народа, на законы, просвещение, нравственность?... Страсть к военному делу стеснит его душу, он привыкнет видеть в народе только полк, а в отечестве – казарму» [4, с. 81]. Настаивал, что военные занятия должны стать второстепенными.

Но в данном отношении Николай I был тверд. Требовал, чтобы из наследника вышел «военный в душе» – такой же, как отец, «без чего он будет потерян в нашем веке». Ну а Жуковский не случайно был успешным царедворцем. Он мгновенно переориентировался, даже предложил создать Саше «потешный полк» из 100–200 юных дворян. Такую идею государь отверг. Вместо этого зачислил наследника в 1-й кадетский корпус (номинально). А для того, чтобы в играх и учебе у него были товарищи, выбрал двоих сверстников, Иосифа Вильеговского и Александра Паткуля. Поляка и прибалтийского немца, мальчик должен был привыкнуть, что это тоже «его» народы.

От общей ответственности за подготовку наследника Жуковский умело уклонился. Настоял, кроме него и Мердера, назначить главного воспитателя, генерал-лейтенанта Ушакова. Через него было удобнее общаться с царем, однако его роль стала чисто номинальной, а реальное руководство обучением прибрал Жуковский. Начались занятия по арифметике, рисованию, сразу несколькими языками: немецкому, французскому, английскому, потом добавился польский. Не забывали и танцы, музыку, гимнастические упражнения, военное дело.

Жуковский взялся преподавать русскую словесность и историю. Он же подбирал других преподавателей. И не все фигуры были однозначными. Так, учителем «отечествоведения» стал статистик и географ Арсеньев – он состоял в ложе «Избранного Михаила», и его уже увольняли из университета «за безбожие и революционные мысли» (тогда по ходатайству Жуковского за него заступился великий князь Николай Павлович, взял преподавать в Инженерное училище). А учить Закону Божьему был назначен протоиерей Герасим Павский – доктор богословия, профессор Духовной академии и Петербургского университета. Он был из кадров Голицына, активистом Библейского общества, занимался переводами Священного Писания на русский, но Евангелие и православные догматы толковал весьма вольно.

Для Саши и его товарищей был установлен строгий распорядок. В 6 утра подъем, с 7 до 12 – занятия с часовым перерывом, с 12 до 14 – прогулка, после обеда снова занятия с 15 до 17 часов, с 19 до 20 – гимнастика и подвижные игры, в 22.00 – отбой. Даже прогулки включались в процесс воспитания – по распорядку Жуковского дети «обозревали» научные, исторические, промышленные объекты с соответствующими беседами.

Дважды в год сдавали экзамены, и Мердер с Жуковским придумали «воспитательную» систему поощрения. За высшие баллы воспитанникам давали деньги, и дети их жертвовали в

собственную благотворительную кассу – внушалось, что «право делать добро является величайшей наградой». Саша рос умным, трудолюбивым, сильным, добрым. Упав однажды с лошади и сильно разбившись, не плакал, старался улыбаться. Отец внимательно следил за его учебой, сам бывал на экзаменах и писал Жуковскому: «Мне приятно сказать вам, что я не ожидал найти в сыне моем таких успехов. Все у него идет ровно, все, что он знает, знает хорошо, благодаря вашей методе и ревности учителей».

Наставники отмечали и отрицательные черты: вспышки вспыльчивости, невыдержанности, – хотя он быстро отходил. Тревожили их и приступы хандры, апатии. Особенно когда он сталкивался с задачей, которую не мог решить. Замыкался в себе, ни на что не реагируя. Возможно, это была реакция мальчика на постоянное давление – и родители, и воспитатели непрерывно поучали, что он обязан быть образцом, примером для других. Не случайно он в один из периодов «хандры» сказал, что «не хотел бы родиться великим князем». Но ведь уже родился. А отец наставлял, что царская семья себе не принадлежит. Ее долг – отдавать себя служению Богу и Отечеству. Он повторял детям: «Всякий из вас должен всегда помнить, что только своей жизнью может искупить происхождение великого князя». Вникнуть в такое, привыкать с младых лет было совсем не просто.

Помогали как раз военные занятия – они по самой сути диктовали служение. Отдушиной становились и летние каникулы в загородных резиденциях. Там свободы было больше. В Царском Селе Николай Павлович подарил сыну с Вильегорским и Паткулем остров на пруду, заросший кустарником. Они сами плавали туда на лодке, соорудили домик, построили подобие крепости. Штурмовали и обороняли ее с гостями-детьми. Таких гостей из знатных семей приглашали и в Зимний дворец по воскресеньям, праздникам. Самыми любимыми у них становились военные игры. Особенно если мог присоединиться отец-император. Государыня бросала жребий, на чьей стороне он будет «начальником штаба», – у детей это вызывало бурный восторг.

Кстати, увлечения игрой в «войнушку» были вполне закономерными, как и слова царя, что наследник должен быть «военным в душе». Россия сражалась то с одним, то с другим неприятелем. Англичане возбудили Персию, она в 1826 г. двинула бесчисленную армию на Закавказье – а в Тифлисе ее ждали изменники из грузинского тайного общества, в Гяндже заговорщики перерезали русский гарнизон. Но совсем небольшие силы царских войск вдребезги разбили персов, они взмолились о мире. Россия присоединила Армению – Эриванское и Нахичеванское ханства, большой участок Каспийского побережья. Особенно отличились в этих схватках казаки, они и награду получили особенную. Николай I принял их как бы под свое семейное покровительство, назначил Сашу Августейшим атаманом всех Казачьих Войск. Это стало традицией, отныне наследники престола становились Августейшими атаманами.

Николай Павлович раскусил и подоплеку западных интриг на Балканах. Активно вмешался, требуя от Англии и Франции совместно прекратить бесчинства турецких карателей над греками. Конвенцию заключили очень неопределенную, западные партнеры уклонились от решительных обязательств. Выслали лишь эскадры для совместного патрулирования. Но когда султан отверг международные условия и продолжил карательные операции, русские моряки подтолкнули англичан и французов прекратить резню силовыми мерами. Грянула Наваринская битва, уничтожившая турецкий флот.

В Англии схватились за головы, король кисло констатировал, что адмиралу Кодрингтону придется дать орден, хотя он заслуживает веревки. А взбешенный султан хорошо представлял, чьими усилиями получил такой «подарок». Объявил войну не англичанам и французам, только русским. В сражениях с турками поучаствовал и детский «начальник штаба», Николай Павлович. Руководил войсками при взятии крепости Исакча, осаде неприступной Варны. Себя не щадил, появлялся в опасных местах.

Русские побеждали и на Кавказе, взяли Карс, Эрзерум. А армия Дибича, разгромив полчища великого визиря, прорвалась за Балканы, шла прямо на Константинополь. В результате был заключен Адрианопольский мир – к России отошли черноморское побережье с городами Анапой и Потти, дельта Дуная. Фактически освободились от турецкой власти, получив автономию, Греция, Сербия, Валахия, Молдавия. Это были детские впечатления наследника: молебны, колокольный звон и салюты в честь побед. Приезжавшие с фронтов герои, разговоры о спасении единоверцев...

Саша пережил и первое большое горе. Когда отец еще не вернулся с войны, умерла бабушка, Мария Федоровна. Она стала и очередным примером делания добра. Осиротели не только внуки, а многочисленные «мариинские» благотворительные учреждения, которые она опекала: сиротские дома, больницы, школы. Чтобы управлять всем этим хозяйством, царю пришлось создать новое, IV Отделение Собственной Его Величества канцелярии, его называли «ведомством учреждений императрицы Марии».

В 1829 г. занятия завершились раньше, чем обычно, в апреле. Отец ехал в Варшаву, короноваться польской короной, как было обещано по автономной конституции. Сопровождала его вся семья, не зная, что над ней нависла смертельная угроза. Ездили в открытых колясках по улицам, переполненным радостной публикой, посещали балы, театры, гуляли по городу. Свободно подходили желающие, передавали прошения. А заговорщики из Патриотического общества готовились убить государя вместе с женой и наследником – что стало бы сигналом к восстанию. Но в атмосфере общей доброжелательности и праздника отказались от покушения, чтобы не подорвать собственную репутацию [13, с. 158–159]. Саша уже второй раз за свою короткую жизнь побывал мишенью убийц.

Из Варшавы заехали в Берлин к родственникам матери. Дедушка, король Фридрих Вильгельм, назначил Сашу шефом прусского уланского полка, преподнес очередной красивый мундирчик, и на парадах в Берлине наследник смог блеснуть своей выучкой, покомандовать по-немецки. Но яркие впечатления от заграницы не вскружили ему голову, в отличие от многих его современников, не заслонили привязанность к родному, русскому. При возвращении он не скрывал волнения и радости. Обнимал и целовал сопровождающих: «Наконец я дома!»

А отец почти сразу после приезда отправил его на кадетские лагерные сборы в Петергофе. Жесткая кровать, простая пища, учения, упражнения. Всем начальникам наследник должен был повиноваться и отдавать честь наравне с другими кадетами. Впрочем, с ними занимался и царь, а учения иногда превращал в захватывающую игру. Однажды собрал кадет у главного фонтана «Самсон» – и по команде они с криками «ура» бросились штурмовать, барахтаясь в воде и взбираясь наверх прямо по каскаду фонтанов. Там ждала императрица, первым вручала призы.

Программа обучения Саши и его товарищей дополнялась новыми предметами. Естественная история (так обозначали биологию), химия, всеобщая история – ее доктор Берлинского университета Липман читал на французском языке, ученики уже знали его в совершенстве. Фехтование, геометрия, фортификация, артиллерия, физика. Вывозили и на концерты, в оперу, драматический театр – это направление курировала мать. Чтобы полнее раскрыть способности воспитанников, по предложению Жуковского они стали издавать рукописный журнал «Муравейник».

На каникулах у мальчиков появилось новое увлечение, охота. Пока еще не на крупного зверя, а на уток, зайцев – Саша стрелял снайперски. Отец его повысил в чине до ротмистра. На следующих кадетских сборах он командовал взводом сверстников. Но субординацию и дисциплину должен был соблюдать неукоснительно. Однажды окрысился на замечание Мердера, нагрубил. Царь, узнав об этом, объявил Саше: «Уходи! Ты недостойн подойти ко мне после такого поведения. Ты забыл, что повиновение есть долг священный». Наложил взыскание: если повторится непослушание, лишит права надевать мундир по воскресеньям. Не повторилось.

А в 1830 г. Россию поразили засуха и эпидемия холеры. Страхи, панические слухи, карантин, нарушившие торговлю и снабжение, вызвали бунты в Севастополе, Тамбове. Холера парализовала и Москву – но в эпицентр смертоносной заразы приехал император. Ободрил людей своим присутствием, молился с ними в Успенском соборе. Лично руководил противоэпидемическими мерами. Москвичи превозносили царя, готового жертвовать собой ради подданных, восхищенный Пушкин посвятил ему стихотворение «Герой».

А Европу сотрясло другое бедствие – революции. Ниточки опять тянулись из Англии. Во Франции король Карл X резко изменил политический курс, решил дружить с Россией, заключить союз. И его свергли. Сам принцип легитимной власти по праву наследования был упразднен. Короля стал выбирать парламент, посадил на трон Луи Филиппа, вернувшегося в антироссийский альянс с Англией, ввел широчайшие либеральные «свободы». Следом полыхнуло в Бельгии – она вдруг вздумала отделиться от Нидерландов, хотя до сих пор никаких трений между ними не было. Но была порушена экономика британских конкурентов, королем Бельгии выбрали герцога Саксен-Кобургского Леопольда, жившего в Лондоне, и само новое государство попало под покровительство Англии.

А европейские революции, надежды на помощь Запада, холера и бунты в России вдохновили заговорщиков в Польше. В ноябре она взорвалась восстанием, охватившим и Литву. Польские и литовские помещики развернули партизанскую войну в Белоруссии. Да, Запад в стороне не остался. Англия и Франция начали поставлять полякам оружие, раздували симпатии к ним в прессе. При этом рушили светлый ореол освободительницы, которым до сих пор пользовалась Россия, – реанимировали старый образ средоточия деспотизма, угрозы «цивилизованной Европе». А британские и французские дипломаты полезли с посредничеством в «урегулировании конфликта».

Царь их «услуги» отверг. Охарактеризовал восстание «гнусным предательством» и сугубо внутренним делом России. Но поляки сформировали 150-тысячную армию. Бои завязались трудные и жестокие. А 12-летнему Саше было о чем подумать. Почему поляки, всего полтора года назад такие радушные, гостеприимные, превратились вдруг во врагов? Зверски убивают русских, и даже своих генералов, сановников, оценивших благородство России, налаживавших с ней нормальные отношения, – многих из этих жертв наследник видел в Варшаве.

Хотя польские смутьяны опять оказались связаны с русскими. В разгар сражений в Москве арестовали студенческую организацию чиновника Сунгурова, 26 человек. Обсуждались восстание, цареубийство, установление республики. Время было военное, и военный суд Московского округа вынес 12 смертных приговоров. Правда, революционеры не успели ничего натворить, и царь всех помиловал. Лишь двое руководителей отправились пожизненно на каторгу, 6 человек были отданы в солдаты, остальные отделались ссылками в имения или были освобождены под надзор полиции.

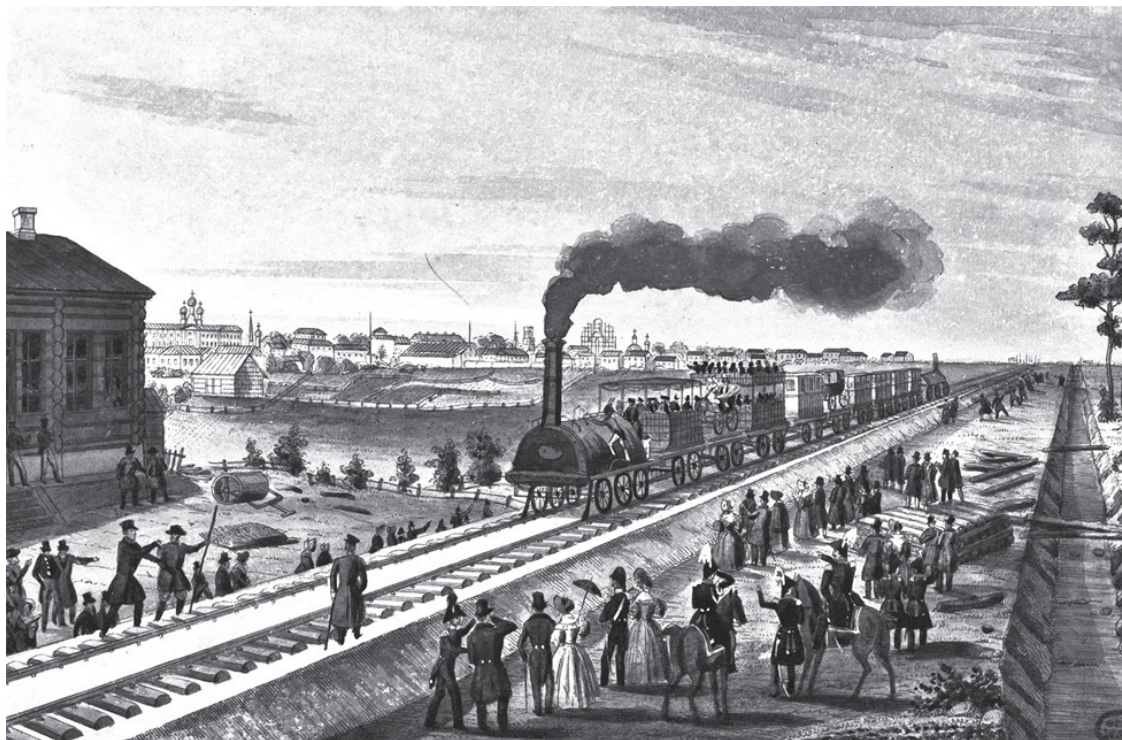
Но и холера продолжалась, в 1831 г. добралась до Петербурга. Из-за карантина на несколько месяцев прекратились занятия у наследника. А в столице, похоже, поработали еще и агенты поляков или их «друзей». Распустили слухи об «отравителях», будто доктора и полиция специально губят людей. Народ взбунтовался, на Сенной площади разнес центральную холерную больницу, перебив врачей и полицейских. И снова ярко проявил себя государь. Примчавшись на коляске, въехал один в буйную толпу, крикнул громовым голосом: «Православные, что вы делаете? Забыли Бога, забыли обязанности ваши и производите беспорядки! На колени!» Один усмирил мятеж собственной волей и авторитетом. Масса людей повиновалась, рухнула перед ним, стала молиться.

Взбунтовались и военные поселения вокруг Старой Руссы, там пришлось подавлять войсками. Однако поляков не спасли ни эпидемия, ни иностранная поддержка. 26 августа 1831 г. после кровопролитного штурма Варшавы переругавшийся между собой революционный сейм капитулировал. К побежденным Николай I отнесся с редким великодушием. Никаких репрес-

сий не было. Пленных, взятых в боях, распределяли служить по русским войскам. А тех, кто сдался, отпускали. Даже арестованных руководителей восстания вскоре выслали за рубеж. Чтобы не допустить голода в разоренной стране, туда отправили запасы хлеба, гурты скота – нуждающимся продовольствие раздавали бесплатно.

Но саму Польшу за коварство и неблагодарность Николай наказал. Ее конституцию упразднил, Царство Польское становилось нераздельной частью России, лишалось сейма, собственной армии и валюты. Не ценили дарованную автономию – живите без нее. Варшавский и Виленский университеты, превратившиеся в эпицентры революции, были закрыты. А царские дети и их товарищи читали гремевшие по всей стране стихотворения Пушкина, посвященные этой победе: «Клеветникам России», «Бородинская годовщина». При этом Саша получил и новый титул. Со времен Александра I «цесаревичем», как официально величали наследника, значился Константин Павлович. От трона он отрекся, но обижать старшего брата и лишать титула Николай I не стал. Теперь Константин, сбежавший от восстания, умер от холеры, и 3 сентября в волне указов о победных наградах отец повелел именовать Сашу «государем наследником, цесаревичем и великим князем».

Глава 4. Крепостное наследство

Царскосельская железная дорога

Противопоставление Жуковским с его либеральным пацифизмом государя-воина законодателю и попечителю о народных нуждах было совершенно неправомерным. Тут уж он явно забыл Ивана Великого, Ивана Грозного, Петра I, отлично сочетавших в себе эти качества. Таким был и Николай I. Необходимость преобразований он осознавал гораздо глубже, чем революционеры, спекулировавшие на них. Даже во время следствия над декабристами специально собрал и внимательно изучал мнения мятежников о недостатках в государстве, предложениях реформ.

В первую очередь это касалось крепостного права. Причем юридически оно зиждилось «на песке». Введенное позже, чем на Западе, в 1592 г., изначально оно означало только запрет для крестьян уходить от одного землевладельца к другому. Но вся земля принадлежала государю, который и жаловал ее в потомственное владение (вотчины), а большинству дворян давал временно, как плату за службу (поместья). Такой порядок узаконило Соборное уложение царя Алексея Михайловича в 1649 г. Оно тоже лишь прикрепило крестьян к хозяйству! Продавать их, отбирать их наделы и имущество запрещалось – «крещеных людей никому продавати не велено» [14].

В конце XVII в. Федор Алексеевич и Софья внедрили в России польские порядки, дворян стали называть «шляхетством», простонародье – «подлым людом». Но и при Петре I розничной торговли крестьянами еще не было. Хотя он уравнивал поместья с наследственными вотчинами, превратив их в собственность дворян – за это установил для них пожизненную службу. Стал приписывать государственных крестьян целыми деревнями к заводам – и они тоже становились зависимыми. А незадолго до смерти, в 1724 г., Петр ввел «подушную подать», всеобщий налог на армию и флот. С крепостных ее собирал помещик, платил государству по количеству «душ». Отсюда утверждалось представление, что и «души» – его собственность.

В последующие годы безалаберным Петром II рулили аристократы, снова брали за образец Польшу с ее «свободами» для магнатов. А там крепостное право было суровым – и тут-то пошла торговля крепостными. Но без всяких законов, «явочным порядком». Первый законодательный акт по данному вопросу появился лишь при Елизавете. В 1746 г. указ Сената определил, что владеть крепостными могут только дворяне: «Впредь купечеству, архиерейским и монастырским слугам, и боярским людям и крепостным, и написанным ко купечеству и в цех, также казакам и ямщикам и разным разночинцам, состоящим в подушном окладе, людей и крепостных без земель и с землями покупать во всем государстве запретить» [15].

Из текста видно, что торг уже шел вовсю, крепостными обзавелись купцы, слуги и даже крепостные. Их собственность признавали незаконной, отбирали. Но казаки, выслужившиеся в офицеры, становились дворянами с правом иметь крепостных. Среди купцов делалось исключение для владельцев предприятий, и продолжалась практика приписывать крестьян к заводам. А в 1755 г. Елизавета окончательно передала заводских крестьян хозяевам, уравнила с крепостными.

Тем не менее все законы и указы Петра I, Анны Иоанновны, Елизаветы однозначно увязывали дворянские права землевладения с обязанностями службы (у купцов – с обязанностями производства). За нарушение таких правил имения отбирались. А крестьяне оставались прикрепленными к поместью, а не к помещику. Дворяне продавали деревни, проигрывали в карты, вносили в залог. Крепостные переходили от одного владельца к другому вместе с «вотчинами». Хотя это нарушалось, ведь из крестьян набирали дворовых, слуг, отрывая от деревень. Их можно было отдать в наем, подарить, продать.

А Петр III, желая обеспечить себе опору в лице дворян, 18 февраля 1762 г. издал «Манифест о вольности дворянства». Обязательную службу Отечеству, на которой основывались все привилегии, отменил. И именно этим манифестом утвердилось крепостное право в форме рабства – деревни уже без всяких условий стали частной собственностью помещиков. Петр III дал дворянам и права переселять своих крестьян в другие имения и уезды! «Души» стали собственностью владельца сами по себе – без привязки к деревням [16]. Стало возможным торговать людьми без всяких ограничений (для Германии и Швеции, на которые ориентировался Петр III, в те времена это было нормальным).

Свергнувшая его жена Екатерина в начале правления была проникнута либеральными идеями, в крепостничестве видела зло. Но и ее опорой было дворянство, поэтому Манифест о вольностях она не отменила. Сумела лишь в рамках церковной реформы освободить 2 млн крепостных из монастырских, митрополичьих, епископских владений (за что на нее обиделось духовенство). А желание освободить дворянских крепостных императрица вынесла на созванную в 1767 г. для пересмотра законов Уложенную комиссию, где проблему спустили на тормозах.

Ранее уже отмечалось, что первым взялся ограничивать крепостное право Павел I. Александр I продолжил указом о вольных хлебопашцах и освобождением крестьян прибалтийских губерний – что вызвало массу осложнений, и даже Николаю I пришлось заниматься устройством безземельных беженцев из Эстонии и Латвии. Но против крепостничества он был настроен решительно. 6 декабря 1826 г. создал Секретный комитет, поручив ему проработки крестьянской реформы. Однако встретил сильнейшее противодействие сановников и даже собственных братьев. В результате были только подтверждены законы Павла I о запрете розничной продажи крепостных без земли, разделения крестьянских семей, лишения их земельных наделов. Кроме того, Николай прекратил награждения отличившихся дворян деревнями – заменил деньгами.

Но ему одновременно приходилось решать множество разнообразных вопросов, он работал по 16–18 часов в день. Так что забавы или занятия с семьей, с детьми выдавались не часто. В 1833 г. была завершена работа над полным Сводом законов Российской империи. Под

личным руководством Николая и благодаря канцелярским талантам Сперанского грандиозное дело было выполнено за 7 лет, принято 30-томное собрание законов, которое сменило давно устаревшее Соборное уложение 1649 г. [18].

Разбираясь с истоками тайных обществ, Николай сделал вывод о системе образования. Юные дворяне набирались «передовых» идей при обучении за границей – а для прекращения порочной практики требовались хорошие учебные заведения на родине. По указаниям государя создавались технический и педагогический институты, училища гражданских инженеров, правоведения, архитектурное и др.

Вместо закрытых Варшавского и Виленского университетов император учредил Киевский Святого князя Владимира. Реорганизуя сферу образования, Николай I хотел придать ей и четкое идеологическое направление – созидательное, патриотическое. Назначил министром народного просвещения видного ученого Сергея Уварова. В противовес либеральной триаде «свобода, равенство, братство», он сформулировал отечественную: «Православие, Самодержавие, народность». Эта линия стала в России официальной.

А эпидемия холеры выявила серьезнейшие недостатки здравоохранения. Под контролем Николая I пошло строительство новых больниц, госпиталей. Крупные дотации были выделены на научные разработки в области медицины. Для детей, лишившихся родителей, царь начал создавать по всей стране Сиротские институты. Холерные бунты напомнили и о проблеме военных поселений. Царь ликвидировал нежизнеспособную инициативу старшего брата. Крестьянам в поселениях дали статус «пахотных солдат». Они освобождались от военных занятий, но должны были 3 дня в неделю работать на армию, заготавливая для нее продовольствие и фураж. А солдаты стали просто солдатами, освобождались от таких задач.

Но вновь вставал вопрос, ради которого Александр создавал военные поселения, – удешевления армии, обученного резерва. Николай I понимал недостатки рекрутской системы. Гораздо лучшей признавал всеобщую воинскую повинность [18]. В ту пору она действовала только в одной стране – Пруссии. Но одним махом переходить на нее было нельзя. При сокращении срока службы сократилась бы и армия. Прежде чем вводить всеобщую повинность, следовало накопить подготовленный резерв на случай войны. В передышке после войн с Персией, Турцией и Польшей Николай I сделал первый шаг в данном направлении. С 1834 г. снизил срок действительной службы солдат с 25 до 20 лет. Потом их увольняли в «бессрочный отпуск», но они еще 5 лет числились в запасе, при необходимости их могли призвать.

Польская революция вскрыла и враждебность католической, униатской церкви. Они активно участвовали в разжигании восстания, предоставляли базы для партизанских отрядов. А в западных областях они занимали господствующее положение. Николай I повелел строить там православные храмы за казенный счет. Католиков прижал тонко. Откопал старую папскую буллу об упразднении мелких монастырей. О ней давно забылось, но в Белоруссии и на Украине таких католических монастырей было большинство. Царская администрация принялась выполнять давнее распоряжение папы, высылая монахов, а монастыри передавая православным [19].

А среди униатов многие тяготились, что в подчинении Ватикана они занимают второсортное положение по сравнению с католиками. С ними начали переговоры, приглашая воссоединиться с православными. В 1839 г. в Полоцке созвали собор, отменивший Брестскую унию 1596 г. К Русской Церкви перешли более 1500 священников, 1600 приходов, 1,6 млн прихожан, вернулись многие святыни, в том числе Почаевская Лавра. На территории России униатская церковь прекратила существование!

Немало хлопот доставляли государю и международные дела. Царь спас турецкого султана Махмуда от восстания египетского наместника, за которым стояли англичане и французы. Прислал прямо в Константинополь войска, военную эскадру, заставившие мятежников покориться султану. Россия за это получила выгоднейший Ункяр-Икселесийский договор о дружбе

и союзе. Турки фактически приняли покровительство нашей страны, обязались свободно пропускать русские суда через черноморские проливы, закрывая их для кораблей враждебных России держав.

Лондон и Париж подняли бури возмущения, грозили войной. Но царь занял твердую позицию, а на реальный конфликт они не отважились. Взялись создавать антироссийский блок с Испанией, Португалией. Николай I в ответ укреплял альянс с Пруссией и Австрией, неоднократно ездил за границу. Ездил и по России – каждый год намечал маршрут по разным городам, лично проверял состояние гарнизонов, больниц, учебных заведений, тюрем, жизнь подданных. Такие путешествия он совершал всего с несколькими сопровождающими, в 2–3 каретах. Мчались без всякой помпы, свиты, отдыхали на обычных постоялых дворах.

Хотя польские революционеры приговорили государя к смерти. Караулили за рубежом, засылали террористов в Россию. Но Николай оставался спокойным, говорил: «Бог – мой страж, и если я уже не нужен более для России, то Он возьмет меня к Себе». Царь и по Петербургу гулял один, без охраны. Иногда нанимал извозчиков, не знающих, кого они везут. Беседовал с ними, узнавая мысли и нужды простых людей.

А его визиты в Пруссию и Австрию имели еще одно последствие. В 1816 г. Александр I принял гимн России «Молитва русского народа» на слова Жуковского и мелодию «союзного» британского гимна. Сейчас отношения с Англией испортились, а на встречах с монархами в честь Николая звучала музыка ее гимна. Царь попросил композитора Львова написать другую, слова под нее снова сочинил Жуковский, и в 1833 г. император утвердил новый гимн, «Боже, Царя храни!»

Да, Господь хранил его и его семью, у него было семеро детей. Подрастали три дочери, сына Константина отец с детских лет предназначил руководить флотом, Николая – армией, а Михаил еще не начал ходить. Ну а старшему Саше 1834 год сперва принес горе, умер Мердер. Наследник рыдал, говорил, что тот был для него «вторым отцом». Но в апреле Саше исполнилось 16. Ему предстояло принести присягу, начинать службу государю и Отечеству. Николай I поручил Жуковскому дополнительно разъяснить наследнику духовный и политический смысл этого шага.

Сын проникся в полной мере. В праздник Пасхи Христовой, 22 апреля, в церкви Зимнего дворца он читал текст присяги со слезами на глазах, и отец обнял его. Сам Александр отметил знаменательное событие, пожертвовав по 50 тыс. руб. в пользу бедняков Петербурга и Москвы. Как совершеннолетний он впервые появился на балу, блеснув безукоризненными манерами. Его вступление во «взрослую» жизнь праздновала и вся страна. А российский академик Норденшельд открыл в эти дни на Урале новый минерал – назвал в честь наследника, «александрит».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.